

10 МАР 1984

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

Люди
искусстваИ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР,
В ЧАС НАЗНАЧЕННЫЙ...

КОГДА-ТО давно в неудавшемся спектакле «Безымянная звезда» она играла мадемуазель Куку. Играла так, что становилось ясным: процесс становления актрисы закончился, она нашла себя, нашла свою тему. Прошло больше десяти лет, а я помню этот взгляд: жалкая, глупая, с претензиями, вызывающая раздражение, вплоть до ненависти мадемуазель Куку в разговоре с Григом и Моной вдруг сжимается как побитая собака, и в глазах ее отразилась вся трагедия сложной жизни, несостоявшегося человека, несостоявшейся любви. «Святая святых» образа открывалась во взгляде. Дойти, докопаться до этого взгляда, до этих корней в жизни никому не интересной мадемуазель, сделать его ключом к этой счастливой душе, найти в тине живые роднички — на это способен только думающий, чуткий актер, не боящийся представить своего героя жалким, одновременно заслуживающим и не заслуживающим в этой жалости снисхождения.

Качества зрелого мастера-профессионала рано проявились в ней. Молодая актриса сыграла старуху, тетушку Руцу в «Птицах нашей молодости». Сыграла так, что работа эта по праву считается этапной и вошла в историю театра заметной строкой вместе со спектаклем, поставленным Виталием Черменевым. Руца Тамары Солодниковой вглядывалась вдаль, будто само время открывало ей тайны бытия, но жила она — для людей.

Пожалуй, со сценическим образом такой силы, как тетушка Руца, с характером народным в самой основе своей, заслуженной артистке ЭССР Тамаре Солодниковой больше встретиться пока не удалось. Да и честно говоря, редко выпадают на долю современного актера такие встречи. Хотя Солодниковой на роли жаловаться не приходится, и в данной череде созданных ею характерных образов были даже героини (по амплуа) — Хелена Чарльз в пьесе Д. Осборна «Оглянись во гневе», Валерия в «Одни без ангелов» Л. Жуховицкого, Лариса в «Игре воображения» Э. Брагинского...

За последние годы она сыграла Сюзанну из пьесы Эна Ветемаа «Святая Сюзанна, или Школа мастеров» (ставила этот спектакль Карин Райд), Клавдию в «Детях Ва-

нюшина» (режиссер М. Лурье), Секлетей Семеновну Гуску в «Блаженном острове» (режиссер Н. Шейко) и Варвару в «Мелком бесе» (режиссер Ф. Виктюк).

Четыре характера, четыре разные доли условности, четыре эпохи...

Сюзанна — образ несколько нереальный, ибо невозможно представить себе человека, действительно столь прочно отгородившегося от окружающего мира. Скорее, вера в человека и всепоглощающая доброта — это ее миссия, которую она исполняет серьезно и в меру своей фантазии.

Сама актриса, правда, считает, что женщина эта прекрасно понимает, что все ее поступки — игра во имя разрушения зла. Итак, с одной стороны, божий одуванчик с миссией исправления мира, с другой стороны — наивная мудрость и простота истины, именно наивностью и правильностью, как в сказке, побеждающие зло. Эта двойственность чувствовалась в спектакле, который, впрочем, до сих пор с успехом знакомит зрителей за пределами республики с эстонской драматургией. Но сам драматург остался очень доволен. «Вельда Отсус (которая исполняла эту роль в академическом театре драмы им. В. Кингисеппа) и Тамара Солодниковая — мои самые любимые Сюзанны» — таково было его мнение. И, добавив, вполне справедливое.

Клавдия в драме Найденова «Дети Ванюшина» — существо озлобленное. Горбунья, которую выдали замуж, и за это замужество платят деньгами, человек, измученный всеми возможными комплексами, она как-то старается все-таки при держиваться справедливости во взглядах на мир, хотя ей это не удается. Она нападает первая — чтобы избежать нападения на себя. Измученная подозрительностью и любовью к нелюбимому мужу, она все-таки старается хоть в мелочах себя не ронять, но срывается на привычный крик. Тайников души у Клавдии нет — она видна насквозь со всей болью за поруганную человеческую сущность.

Насквозь видна и Секлетей Семеновна Гуска, но это случай особый. Героиня пьесы Миколы Кулиша, одного из первых советских сатириков, она, как и ее муж Савватий Савельевич, принадлежит к тем людям, «чья старая мозги не выдерживают нового режима». Обнажить живучесть корней, представлений и психологии обывательства — такова была задача, поставленная режиссером Николаем Шейко.

Стиль постановки — увеличительное стекло, направленное на психологию и образ мысли героев. Сатирическая пастораль увеличивает, преувеличивает, рассматривает как событие огромной важности каждый поступок любого из многочисленного семейства Гуски. Каждое слово звучит как лозунг или девиз. Любое мелкое происшествие, случившееся с ними или с их знакомыми, рассматривается как мощный геологический сдвиг почвы под ногами. Но если сам Гуска, так сказать, мечтатель-идеалист, а Пьер Кондратенко — мечтатель-романтик, то Секлетей Семеновна — мечтатель-практик. На плечи дамы, с претензией на тонкость, упала вся практическая сторона борьбы семейства Гуски с

революцией, а именно — она должна была решать, куда и что прятать. Но при всем при том Секлетей Семеновна — дама весьма себе на уме и при любых исторических катаклизмах сможет поддерживать в доме порядок и недвусмысленно дать понять каждому, кто здесь хозяин.

И такая манера игры — комедийно-гротесковая — тоже оказалась актрисе не просто доступной, но близкой. Тамара Солодниковая и Леонид Шевцов, частый ее партнер по сцене, владеют этой манерой безукоризненно, умея психологически обосновывать самые невероятные положения и повороты.

Последняя по времени работа актрисы — Варвара в «Мелком бесе». Московский режиссер Роман Виктюк поставил спектакль сложный, необыкновенно интересный, спектакль, на котором не бывает пустого зрительного зала, и в который влюблены актеры.

Спектакль утверждает: то, что делает человека человеком, находится внутри его. Вне человека духовные ценности не существуют. И наоборот: если же человек внутренне пуст, если душа его не одухотворена, он не

человек, в полном смысле этого слова. Если для кого-либо весь мир замкнут в узком кругу еды, постели и личного благополучия — он не человек. Такие нелюди — и Передонов, и жена его Варвара, и все их ближайшее окружение. Передоновым владеет страх — что не дадут лакомого куска, что обделят, не возвысят, лишат необходимого и лишнего, что обойдут. Страх растлевает его душу, но избавление от страха он видит в избавлении от людей.

Режиссер сделал спектакль медленным. Кажется, что каждое движение героев разложено на составляющие это движение кусочки, что движутся они как при замедленной съемке, только более коряво, словно и не умеют двигаться по-людски. Сидя на стуле, обвисают, словно без костей. Но это до поры до времени, до взрыва, до шабаша, вдохновенного какой-либо пакостной идеей издевательства — над бессловесной ли стеной, над человеком ли — все равно.

Варвара Тамары Солодниковой на их общем фоне выделяется даже своеобразной изысканностью. Она как prima-балерина этого мира, местная Софи Лорен — по пластике. У нее преувеличенно кокетливая походка, растянута, долгая и длинная. Она как дитя природы — не ведает, что творит. Творит зло — во имя своего блага.

Этот спектакль требует сильных актерских индивидуальностей, хотя ни одну роль нельзя вырвать из контекста (кроме, пожалуй, Передонова, но это разговор особый). Этот мир нелюдей держится друг другом.

Какая будет следующая работа Тамары Солодниковой? Когда она появится? Хочется верить, что новая роль не заставит долго ждать, и будет она значительной, с интересным думающим режиссером. Сама актриса желает себе еще поработать с Виктюком. Пусть сбудется!

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.

На снимке: Тамара Солодниковая.
Фото Ф. Ключика.